

Кристина
Компос

Лимонный
хлеб
с маком

МОСКВА
2023

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
К18

Cristina Campos
PAN DE LIMÓN CON SEMILLAS DE AMAPOLA
Copyright © Cristina Campos, 2016

Перевод с испанского *Геннадия Петрова*
Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Кампос, Кристина.

К18 Лимонный хлеб с маком / Кристина Кампос ; [перевод с испанского Г. Петрова]. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с. — (Кинопремьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-176677-1

Две сестры с разными судьбами. Анна провела всю жизнь на родной Майорке, в браке с нелюбимым мужчиной. Марина получила лучшее медицинское образование и объездила полмира, работая в гуманитарной организации. Неожиданное наследство в виде пекарни, доставшейся им от таинственной женщины по имени Долорес, становится причиной воссоединения двух сестер спустя долгие годы разлуки.

В попытках наверстать упущенное и разгадать главный секрет жизни Долорес, Анна и Марина сталкиваются со старыми семейными конфликтами и учатся бороться за собственное счастье.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

© Петров Г., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-176677-1

Анна тщательно составила подробный план своих похорон. Не кто иной, как возлюбленный, лаская ее грудь, нащупал тот самый крошечный кусочек смерти, который через год заберет у него Анну навсегда. А в последние двенадцать месяцев существования она, наконец, возьмет бразды правления своей жизнью в собственные руки.

За несколько дней до кончины Анна изложила все необходимое в письме, отправленном сестре Марине. Согласно высказанной воле, на похоронах должны присутствовать только дочь и муж покойной, а также несколько подруг. Им надлежит собраться на скалистом берегу горного хребта Сьерра-де-Трамонтана, на острове Майорка, и зачитать текст, который она адресовала им всем. А затем совместно предать ее прах морской стихии.

Никто из явившихся на уединенное погребение не знал, почему Анна собрала их в столь отдаленном от остального мира месте. Однако все они прибыли туда, на мыс Са-Форадада, выполняя ее последнюю волю. К которой, казалось, прислушался даже бриз, едва ощутимый, как ей, наверное, и хотелось бы. Умиротворенное море напоминало безразмерный плот.

Дочь приняла урну с прахом из рук своего отца и прошла в одиночестве несколько метров, пытаясь побыть

с мамой еще хотя бы считанные секунды. Она присела на край утеса и, обняв урну, закрыла глаза и позволила слезам постепенно оросить останки матери.

Марина приблизилась на несколько шагов к племяннице, но остановилась. Опустила глаза и снова произнесла про себя слова, которыми сестра одарила ее перед смертью.

Дорогая сестра, дорогая подруга.

Мне хотелось бы, чтобы всякий раз, когда будешь вспоминать обо мне, о нас, ты вычеркивала из памяти последние тридцать лет нашей жизни и возвращалась ко дню, когда нас разлучили. Ибо я относилась к тебе как к младшей сестренке, моей подруге, моей наперснице. И почувствовала, что душа моя разрывается на куски, когда ты покинула нас почти навсегда. Тогда тебе только исполнилось четырнадцать. Я так и не поняла причину твоего отъезда.

Когда ты уехала, я с тоской вспоминала наши прогулки на напном баркасе. Помнишь, как он любил свою старую деревянную посудину? Наверное, чуть ли не больше, чем нас с тобой...

Ее глаза ощупали море, то самое, которое приютило их и наблюдало за тем, как они взрослеют. Она позволила своей памяти медленно поплыть на старом баркасе к воспоминаниям о детстве через бухты на севере острова, пристально высматривая защищенные от ветра. И увидела сидящую на носу лодки Анну, молодую, хрупкую, светлокую, в белом полотняном платье с узкими бретельками, обнажавшими ее декольте и изящную фигурку. Светлые волосы развевались на нежном ветру летних месяцев на острове. Анне нравилось погру-

жать руки в воду и играть с небольшими волнами, разбивавшимися о корпус баркаса. Она зачерпывала воду ладонью, медленно раздвигала пальцы, чтобы дать воде постепенно вернуться в море. А потом — все сначала.

Там, на ветхом деревянном баркасе, они делились событиями своей жизни, смеялись, ссорились, мирились или просто проводили часы в тишине, убаюканные морским бризом, пока их отец не возвращался на борт с каким-нибудь подводным сокровищем... в его оценке.

Марина вложила письмо в конверт и вспомнила последнюю совместную прогулку на лодке. Тогда не произошло ничего особенного, запоминающегося или уникального. Они просто озвучили три слова, которые обычно не произносят между сестрами. Их семейство первым в начавшемся сезоне вывело свой баркас из порта Вальдемось и отправилось в поисках самой безлюдной бухты, куда не проникали отдыхающие. Встали на якорь в бухте Дейя, красивом заливе, окруженном горами. Нестор бросил якорь и не замедлил погрузиться в воду сам. А они вдвоем развернули белый брезент, чтобы укрыться от солнца.

— Можешь заплести мне косу?

Марина присела на носовую скамью. Сняла резиновое колечко, стягивающее ее растрепанную черную гриву. Анна провела пальцами по ее голове, разделила волосы на три части и sprыснула морской водой. Потом медленно сплела волосы в косу. Наслаждаясь каждым движением, она перекрещивала пряди и вдруг подумала, что никогда больше не сможет причесать сестру; вместе они не отправятся на прогулку по морю. Она боялась, что никогда ее не увидит. И капли морской влаги высохли вместе со слезами на волосах Марины. Сестры грустно переглянулись маленькими карими глазами, унаследованными

от отца, — тот обмен взглядами они сохраняют навсегда. И, наконец, Анна вымолвила три слова, которые обычно не звучат между сестрами. Она села рядом, склонила голову на плечо Марины и сказала:

— Я тебя люблю.

Марина положила письмо в карман жакета и посмотрела на испуганную девочку, продолжавшую обнимать урну с прахом матери, выплакав все слезы.

«Позаботься о моей дочке, умоляю, — говорилось в письме. — Она теряется в поисках себя. Не оставляй ее, пожалуйста, в этом странном подростковом возрасте».

Она подошла к племяннице и села рядом на краю утеса.

— Отпустим ее? — мягко произнесла Марина.

Девочка кивнула, медленно поглаживая урну напоследок.

Тишину взорвал рев мощного мотоцикла. Марина обернулась. Незнакомый ездок извлек ключ из замка зажигания и спешил. Снял шлем, водрузил на седло. Выглядел он неуверенным, его жесты казались нерешительными. И вроде бы никто из присутствующих не был с ним знаком.

Марина сразу же поняла, кто этот неожиданный незнакомец, и только ей было известно, почему он объявился. А также зачем Анна выбрала это место для прощания с любимыми людьми, со всем миром. И с ним.

1

МАТЕРИНСТВО, ИЛИ «ЫНДЖЕРА»¹

ИНГРЕДИЕНТЫ:

300 г тефовой муки,

250 мл воды,

1 щепотка соли.

СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ:

ГОТОВИТСЯ В КЕРАМИЧЕСКОЙ «МОГОГО»

Смешай тефовую муку² с водой и солью и дай отстояться в миске, накрытой тканью. Необходимо дождаться брожения в течение одного-трех дней.

Налей немного масла в «могого» и поставь на средний огонь. Помести тесто в «могого» и дай ему обжариться. «Ынджера» должна обжариваться только с одной стороны.

¹ Традиционное блюдо эфиопской кухни. — *Прим. перев.*

² «Теф» — традиционное зерно в Эфиопии, богатый питательными веществами злак, не содержащий глютена. — *Прим. перев.*

Темнело. Беспощадный ветер свистел в самом жарком и адском месте планеты, в пустыне Данакиль на северо-востоке Эфиопии. Вокруг только соль, песок и застывшая лава на этом бескрайнем пространстве Африканского континента, где температура достигает шестидесяти градусов жары и где трудно поверить в возможность чьего-либо существования. Но там, в глубокой тиши, укрывшись в маленьком белом домике из бетона, Матиас ласкал Марину, закончив заниматься любовью.

— Пекарня, — шепнул он по-немецки.

— Не перестаю думать о ней, — ответила Марина, переплетая свои руки с руками Матиаса. — Она нам за какие заслуги? Почему Анне и мне? Ведь никто не отдает просто так свой дом и бизнес посторонним людям.

— А разве владелица не оставила пояснительную записку?

— Нет, намеренно не оставила. Моя сестра продолжает выяснять по фамилиям, но пока не обнаружено ничего, что могло связывать нас обоих с этой женщиной.

— А мельница действующая? — поинтересовался Матиас.

— Она превратилась в руины. Но пекарня функционирует, она была единственной в Вальдемосе.

Марина призадумалась на несколько секунд.

— Мария-Долóрес Моlí... Сколько бы я ни произносила ее имя, оно мне ничего не говорит...

— Долорес по-немецки... это значит «боль», верно? — поинтересовался Матиас.

Марина кивнула.

— Странно давать собственной дочери имя Долорес, все равно что называть ее «тоской» или «меланхолией», — заметил он.

— Долорес — очень распространенное имя в Испании, — пояснила Марина.

— Я хотел бы поехать туда с тобой... Наверное, я единственный немец, который не знает Малорку, — признался Матиас между зевками.

— Произносится Майорка, поскольку пишется с двойной буквой l, — улыбнулась она.

Звука, отображаемого двойной буквой l, в немецком алфавите не существует, и сколько бы уроков испанского она ему ни давала, Матиас постоянно совершал одну и ту же ошибку. Как, в свою очередь, и Марина, которая все еще не могла правильно произносить немецкие звуки, отображаемые «А» и «О» с умлаутом — Ä и Ö. Они общались на английском, но иногда учили друг друга своим родным языкам. Два года назад в книжном магазине мадридского аэропорта Барахас купили блокнот фирмы «Молескин» в черной обложке, который превратили в словарь для записи казавшихся им важными слов на обоих языках. В правой колонке на испанском, в левой — немецкий перевод.

Марина протянула руку, взяла блокнот с тумбочки и достала черную шариковую ручку.

— С умлаутом?

— Над «а».

Марина вывела по-испански слово «пекарня» и рядом — *Bäckerei*.

Положила блокнот на тумбочку и вздохнула.

— Я не была на Майорке более десяти лет, — сказала она с некоторой грустью.

Матиас выключил лампочку, свисавшую с потолка.

— Спокойной ночи, наследница, и хватит думать об этом, уж я-то тебя знаю. Все равно отсюда решить ничего не сможешь.

Марина повернулась к нему спиной, и он обнял ее. Матиас заснул уже через несколько минут. А Марине всегда требовалось время, чтобы отключиться. Она ворошила свои мысли, возвращаясь к рабочим проблемам минувшего дня и обдумывая решения следующего. Понимала, что ночью мир не изменишь, и сердилась на себя, когда и после часа ночи не могла избавиться от мыслей. Да и в ту ночь, как и в прочие, перебирала в уме события своей жизни. Конечно, она размышляла не о работе, как прежде, а о поездке, которую предстояло совершить на Майорку против своей воли. Марина вспомнила последние слова в электронном письме Анны.

«В конце концов, это загадочное наследство станет поводом для нашего воссоединения и твоего возвращения домой».

Последняя фраза вызвала у Марины раздражение. Майорка — не мой дом, сказала она себе, читая послание. Это место, где я родилась и провела часть своего детства. Где жили мои родители и где сейчас осталась только Анна. Нет, теперь это не мой дом. Ничто не связывает меня с островом.

Поскольку у Марины не было ничегошеньки из собственности, ей некуда было податься на Рождество. Не существовало места, где можно отмечать даты, которые обычно празднуют нормальные семьи. Да, деньги на покупку квартиры имелись, но отнюдь не желание владеть четырьмя стенами.

Ее психолог, перефразируя какого-то писателя, однажды изрекла: «Дом — это то место, где тебя ждут». Фраза напоминала о себе днями и ночами. Родители Марины умерли. Имелись дальние родственники, с которыми она почти не общалась. И, конечно, оставалась

старшая сестра Анна. Она и некоторые обстоятельства, которые слишком долго их разлучали.

Ощущение привязанности к дому Марина утратила уже в подростковом возрасте.

Она отправилась в дальний путь в четырнадцать лет, и даже сейчас, в сорок пять, все еще была в дороге. Да и работа требовала путешествий. Однако зачем она так стремилась к кочевой жизни? Туда-сюда постоянно, не желая пустить корни. Где же твой дом, Марина? Кто тебя там ждет? Ее огорчала собственная неспособность найти ответ на простой вопрос. А на поиск честного ответа ушли годы. После длительных размышлений она сделала вывод: ее подлинный домашний очаг — весь мир, включая Матиаса. Вот ответ, который она дала сама себе. Он успокоил, да и подтверждался тем, что во всех местах на свете, куда бы их ни заносило, сколь малыми, отдаленными и затерянными ни были эти места, тамошние обитатели всегда ожидали их с распростертыми объятиями.

Хотя она и отыскала-таки сей твердый ответ, сермяжная правда заключалась в том, что отсутствие определенного физического места, вроде собственной Итаки¹, которые имелись у ее друзей, коллег и, конечно, у Матиаса — квартира его родителей на Бергманштрассе, 11, в берлинском районе Кройцберг, — время от времени ее тяготило.

Разумеется, Марина могла выбрать и более привычную жизнь. Безопаснее и стабильнее. Могла остаться на окруженном морем клочке суши длиной сто километров и шириной семьдесят восемь. Вернись она на Майорку, вероятно, вышла бы замуж, как и сестра, за какого-нибудь

¹ Греческий остров в Ионическом море, который считается родиной легендарного Одиссея. — *Прим. перев.*

парня из Королевского морского клуба города Пальмы, как и рассчитывала ее мать. Или, возможно, как хотел ее отец, стала бы работать по своей профессии в отделении акушерства и гинекологии университетской клиники Сон-Дурета в районе Поньенте, муниципалитет Пальмы.

Однако — нет. Теперь она находилась в семи тысячах восьмистах сорока трех километрах от того места, где родилась, в пустыне Данакиль, обнимая любимого мужчину.

И никак не могла заснуть. Повернулась к Матиасу и любовалась им, мирно спящим. Они такие разные; он — типичный европеец, высокий, крупный, настоящий немец. А она смуглая, с черными волосами, ниспадающими на спину, невысокая, крепенькая, истинная испанка. Она погладила его по щеке, заросшей перманентно неопрятной каштановой бородкой. Убрала назад волосы, падавшие ему на лицо, и ее пальцы нежно коснулись гладкой молодой кожи вокруг глаз. Повторяя движение, она вспомнила о своих пока еще робких морщинках, которые начали появляться вокруг глаз. Да, ему тридцать пять. А ей в августе исполнится сорок шесть. Мысль эта встревожила ее на несколько секунд. Но потом она изгнала ее из головы. Обняв его за талию, она почувствовала себя спокойной и счастливой, прижимаясь к прекрасному мужчине, который на десять лет моложе, но любит ее и восхищается ею. Марина закрыла глаза и уснула, наконец. А он инстинктивно прижал ее к своему телу. Вот ее очаг, вот ее дом.

Раздался резкий стук в дверь. Марина спала едва ли час. Она открыла глаза, села, крайне встревоженная. И снова

услышала стук. Молча встала с кровати и подошла к двери спальни. Стук доносился снаружи дома. Она прошла через столовую и выглянула в окошко; слишком темно, ничего не разглядеть. Но тут снова постучали, теперь уже слабее.

Она распахнула дверь. На земле в полубессознательном состоянии лежала молодая беременная эфиопка.

— Матиас! — крикнула Марина.

Она присела на корточки рядом с девушкой, которой, как показалось, было не больше пятнадцати лет.

— Все будет хорошо, — сказала Марина по-английски.

Приложила кончики пальцев к запястью девушки.

Слегка нажала. Частота пульса слишком высокая.

Матиас выскочил из спальни и подхватил незнакомку на руки. Круглое пятно крови окрасило бесплодную землю там, где только что лежало тело. Они вбежали в смежный дом, и Матиас уложил эфиопку на носилки. Марина схватила стетоскоп с металлического столика, а Матиас разрезал темно-синюю вуаль, скрывавшую тело молодой женщины. Действовали быстро, молча. Каждый знал, что нужно делать в таких случаях. Эфиопка тоже молчала, закрыв глаза и позволив им выполнить все, что требуется.

Марина поднесла стетоскоп к животу беременной и убедилась, что сердцебиение плода пока что слышится: младенец жив. Она натянула резиновые перчатки, раздвинула ноги юной эфиопки и присела на небольшой деревянный табурет, чтобы осмотреть ее вагину. Как и у всех женщин племени афар, половые органы были изуродованы, а небольшое отверстие, оставленное при инфибуляции¹, затрудняло выход плода.

¹ Зашивание влагалища для обеспечения целомудрия женщины. — *Прим. перев.*